

Веч. Москва —
Четверг, 10 февраля 1994 года
— с. 5 —

10 февраля —
день памяти А.С.Пушкина

Последняя ночь

Условия дуэли были жестокими: «Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга». По сигналу они могут пройти по пять шагов навстречу до барьеров и «пустить в дело свое оружие. После первого выстрела» они не имеют права двигаться: остаются на месте, и второй противник стреляет с того же расстояния. Если сделано безрезультатных два выстрела, то «поединок возобновляется на прежних условиях...»

По сигналу К. К. Данзаса, секунданта поэта, противники стали сходитьсь. Пушкин мгновенно прошел свои пять шагов и уже поворачивался, чтобы стать боком, одновременно целясь в Дантеса. Тот же, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил. Пушкин упал, но, придя в сознание, произвел ответный выстрел, легко ранив противника...

В шесть часов вечера истекающего кровью Пушкина привезли домой, на Мойку, 12. В первый день (27 января) и начале второго дня у постели больного побывало семь врачей: В. Б. Шольц, К. К. Задлер, Н. Ф. Арендт, Х. Х. Саломон, И. В. Буяльский, И. Т. Спасский и Е. И. Андриевский. Руководство лечением Пушкина взял на себя лейб-медик Арендт. Все они нашли рану весьма опасной, не оставив поэту надежд на выздоровление и сказав ему все.

В первый же вечер в царских покоях об этом событии стало известно. Великая княгиня Елена Павловна — Жуковскому: «Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей — такого выдающегося человека». А вот слова императрицы Александры Федоровны: «...Мне сказали в полночь, я не могла заснуть до 3 часов, мне все время представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна жена убийцы другого. Это ужасно, это страшнее, чем все ужасы модных романов...»

В. И. Даль, «испросив отпуск», уже полтора месяца как находился в Петербурге. С Пушкиным виделся несколько раз, однако близким его другом не был. О трагедии узнал случайно во втором часу дня 28 января и тут же пошел на Мойку, пробрался сквозь толпу и приблизился к дивану, на котором лежал Пушкин. Поэт протянул ему руку и с грустью произнес: «Глохо, брат». Его взгляд ждал от Даля надежды на излечение. Даль оказался единственным врачом, кто утешил и подбодрил умиравшего: «Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!». Пушкин отозвался, взяв его за руку: «Ну, спасибо!». С этой минуты Даль будет до последнего мгновения с ним неотлучно. Врачи, друзья, знакомые приходят и уходят. Даль ставит Пушкину пиювки, тот охотно ему помогает — сам вылавливает их из банки и подает ему. Владимир Иванович предложил свои услуги дежурить вторую, как оказалось, последнюю, ночь у постели больного. Он его поит, подает кусочки льда, которым поэт трет виски, меняет компрессы, поправляет подушки, поворачивает на бок... Пушкин все время держит его руку. Ночь для обоих прошла без сна. Наступает 29 января. Пушкин сильно сжимает руку Даля: «Пойдем... мне пригрелось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам... Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе. Приподними меня». Даль поднимает его. Пушкин неожиданно четко произносит: «Кончена жизнь». Даль переспрашивает: «Что кончено?». — «Жизнь кончена...»

Жуковский велел послать за скульптором, чтобы снять с умершего маску. Врачи провели вскрытие тела Пушкина. По одним источникам с полной уверенностью говорится, что его проводил Даль, по другим — домашний доктор семьи Пушкиных Спасский, дипломированный судебно-медицинский эксперт. Но протокол (записка) вскрытия подписан единолично Далем.

Теперь о пуле, оборвавшей жизнь поэта. Снова нет точности в опубликованных сведениях. По одним говорится, что при вскрытии тела поэта В. И. Даль извлек ее и положил в карман сюртука, но потом она оказалась потерянной. В записке же о «Вскрытии тела А. С. Пушкина» он, в частности, упомянул, что время и обстоятельства не позволили продолжать подробнейших розысканий. О пуле ни слова. Я думаю, что изложенные факты только усиливают желание этот узел развязать и предполагают дальнейший поиск.

Всеволод ЧУБУКОВ.

Рис. Павла БУНИНА.